

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

О диссертации КЮСЕВОЙ Марии Викторовны
«Физические свойства в русском жестовом языке
в типологическом освещении»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация Марии Викторовны Кюсовой «Физические свойства в русском жестовом языке» посвящена изучению особенностей лексикализации свойств объектов в русском жестовом языке, в частности, в ней анализируются способы выражения свойств, относящихся к семантическим зонам «острый», «тупой», «мокрый», «тяжелый», «старый», «толстый» и «тонкий».

Диссертация состоит из вводного раздела, четырех глав, заключения, списка литературы и трех приложений.

Актуальность темы выносимой на защиту работы определяется, во-первых, резко возросшим за последние десятилетия интересом к жестовому языку вообще как естественному языку, ориентированному на иную, чем у звуковых языков, модальность восприятия. Во-вторых, актуально обращение к русскому жестовому языку (РЖЯ), описание которого с позиций общей лингвистики началось сравнительно недавно, и до сих пор об особенностях устройства его грамматической и лексической систем известно меньше, чем о соответствующих системах английского, французского и некоторых других жестовых языков. В этом легко убедиться, просмотрев обширный список литературы, использованной автором диссертации. Актуальным является также рассмотрение РЖЯ в типологической перспективе, которое в конечном счете должно дать ответ на вопрос, делает ли жестовый язык свой выбор при концептуализации действительности из того же самого набора моделей, что и звучащие языки, или реализует какие-то иные модели.

Новизна диссертации, помимо того, что она дает новые знания о РЖЯ, состоит в том, что ее автор впервые в мировой практике обращается к изучению в типологической перспективе такого пласта лексики жестовых языков, которые, в отличие от изученных к настоящему времени семантических полей цветообозначений, терминов родства и числительных, не имеют столь ясных денотатов. Признаковая лексика, ставшая объектом исследования в данной диссертации, представляет особую сложность в силу своей

полисемантической, и ее семантическое описание с необходимостью предполагает анализ контекстов. Для этого в работе М.В. Кюсовой впервые в практике описания жестовых языков применен фреймовый подход, разработанный Е.В. Рахилиной и Т.И. Резниковой и испытанный до сих пор только на материале звучащих языков.

Теоретическая значимость работы М.В. Кюсовой несомненна, так как автору удалось убедительно показать, что лексика РЖЯ вполне сопоставима с лексикой звучащих языков: в ней представлены в основном те же стратегии лексикализации связанных между собой понятийных категорий. На материале РЖЯ продемонстрирована и уникальная черта лексики жестовых языков: наличие в жестовом слове двух компонентов — ядерного (символического) и периферийного (иконического), и участие в выражении лексического значения жеста как ядерного компонента, так и устойчивого элемента в составе периферийного компонента жеста. Тем самым диссертация М.В. Кюсовой вносит вклад в решение глобальной теоретической задачи определения ограничений на естественный язык. Диссертация расширяет эмпирическую базу для лексико-типологических исследований, вводя РЖЯ в число языков, которые можно и нужно привлекать при проведении таких исследований. В методологическом плане значение данного исследования состоит в демонстрации рабочих возможностей фреймового подхода к изучению значения слов жестовых языков, а также в совершенствовании системы аннотирования жестов.

Первая глава диссертации посвящена истории становления и современному состоянию жестовой лингвистики. В ней содержится конспект основных понятий и положений этой относительно новой лингвистической дисциплины, что позволяет лингвисту, не работающему в данной области, понять и оценить собственное исследование автора. Здесь рассматривается специфика жеста как языкового знака, отмечается сходство мануальных компонентов жеста с фонемами; раскрываются сложности анализа немануальных компонентов жеста, которые, несмотря на их дискуссионный статус, должны учитываться при анализе жестовой коммуникации; разъясняются различия между двумя типами ротовой артикуляции, сопровождающей мануальные жесты, — маусингом и губными жестами; описываются функции губных жестов. Отмечается высокая степень иконичности жестовых языков. Объясняется противопоставление ядерной и периферийной лексики в жестовых языках (ЖЯ), основанное на признаке контекстной независимости первых и зависимости от контекста вторых, и подробно описываются свойства периферийной лексики, которая является средством кодирования признаков, изучаемых в данной работе. В заключение раздела дана характеристика РЖЯ, его междialeктного варьирования и его отличия от

«калькирующей жестовой речи». Данная глава написана на высоком научном уровне, она построена на анализе большого объема литературы, в основном англоязычной, и свидетельствует о том, что М.В. Кюсева прекрасно ориентируется как в вопросах общей лингвистики, так и в специфической проблематике жестовой лингвистики.

Во **второй главе** диссертации обсуждается методология типологических исследований в области лексической семантики и описываются методы, которые были применены в ходе данного исследования. Глава имеет четкую структуру. Вначале описываются разнообразные методы сбора языкового материала, подчеркивается необходимость в этой области типологии выхода за пределы вторичных источников (словарей и грамматик). Данные следует получать непосредственно от носителей языка, что в большинстве случаев предполагает предварительную разработку анкет — списков сочетаний или предложений, предлагаемых информантам для перевода на их родной язык. Анкеты же строятся с учетом предполагаемых возможностей межъязыкового лексического варьирования в указанной семантической зоне, представление о которых можно получить из двуязычных словарей и корпусов исследуемых языков. Как еще один эффективный метод сбора данных рассматриваются коммуникативные игры. Затем автор переходит к методам анализа данных, сравнивая подходы разных семантических школ и указывая на их сравнительные достоинства и недостатки. Далее автор переходит к проблеме репрезентации результатов анализа, вероятно, по недосмотру назвав этот раздел «Репрезентация данных». Здесь разъясняется метод семантического картирования, разработанный первоначально для семантической типологии грамматических категорий. Отдельный раздел содержит обзор немногочисленных на сегодняшний день лексико-типологических исследований ЖЯ на фоне ранее проведенных исследований звучащих языков. В заключительном разделе подробно и последовательно описана методология данного исследования, включающая сбор данных методом анкетирования и коммуникативных игр с денотативными стимулами в виде картинок. В деталях описано, как проводилась аннотация данных в системе ELAN для последующего их анализа. Содержание второй главы свидетельствует о глубокой проработке автором методологии своего исследования и не оставляет сомнений в том, что те семантические обобщения, которые получены в ходе исследования, имеют под собой солидную эмпирическую базу.

Третья и четвертая главы работы содержат изложение хода и результатов исследования. Они написаны по единому плану. Каждый раздел главы посвящен определенной семантической зоне. Для каждой семантической зоны вначале дается характеристика вариантов ее лексикализации в звучащих языках, а затем — в РЖЯ. При этом в третьей главе рассматриваются зоны, лексикализуемые при помощи контекстно-

свободных ядерных жестов, а в четвертой — при помощи периферийных контекстно-зависимых жестов. **Заключение** содержит обобщение результатов проведенного исследования в виде основных выводов: о сопоставимости лексики РЖЯ с лексикой звучащих языков; о пригодности методов Московской лексико-типологической школы для изучения РЖЯ; о фундаментальном различии ядерного и периферийного компонентов жеста и необходимости поэлементного анализа последнего; о потенциальной приложимости обобщений, полученных на основе анализа собранных данных к другим ЖЯ.

Переходя к оценке проведенного исследования, прежде всего подчеркнем его новаторский характер. Впервые типологически ориентированный метод анализа семантики слов звучащих языков был применен к признаковой лексике ЖЯ. При анализе последней автор столкнулся со специфическими трудностями, обусловленными тем фактом, что означаемое признаковых слов ЖЯ, в отличие от такового в звучащих языках гетерогенно: одни признаки выражаются ядерными жестами, форма которых устойчива, другие — периферийными, форма которых варьирует в широких пределах при том, что какой-то элемент этой формы стабилен, и он-то и выражает значение признака. Сложность представлял и анализ взаимодействия мануального и ротового компонентов жестового слова. Все это потребовало от исследователя скрупулезной фиксации всех релевантных для ЖЯ аспектов плана выражения при разметке собранных видеозаписей, и с этой задачей М.В. Кюсева блестяще справилась. Она предложила и применила на практике более детальные системы аннотирования жестов, чем внесла свой вклад в совершенствование инструментария жестовой лингвистики. Предприняв трудоемкий сбор данных методом коммуникативных игр, она смогла исключить «возмущающее воздействие» русского языка на ротовые артикуляции, наблюдаемое при проведении анкетирования, что позволило уточнить границы периферийных жестов и тем самым обеспечило надежность их соотнесения с экстралингвистическими стимулами. Обобщения и выводы, сделанные автором, вносят существенный вклад как в жестовую лингвистику, так и в семантическую типологию признаковой лексики. Отдельной похвалы заслуживает форма диссертации. В ней соблюдены все максимы речевой коммуникации: количества, качества, релевантности и способа подачи информации. В ней есть все, что нужно для понимания ее содержания и нет ничего лишнего. Качество информации, то есть, ее достоверность и обоснованность гарантируется опорой на широкий круг исследований в области жестовой лингвистики и лексической типологии, фотографиями анализируемых жестов, их аннотациями, полным представлением анкет и картинок,

использованных для сбора данных. Композиция работы логична, автор прекрасно владеет научным стилем.

Высокий общий уровень диссертации М.В. Кюсовой несомненен, но, как и всякая большая работа, она не лишена определенных недостатков, и отдельные утверждения в ней являются спорными.

В целом результаты анализа собранного материала не вызывают сомнений. Пожалуй, единственный фрагмент анализа, который выглядит неубедительно – это выводы о дистрибуции двух конфигураций мануальных жестов, выражающих признак ‘острый’, одна из которых, по мнению автора, отражает одно- или двухмерность объекта, а другая — его объемность. Вариативность жестовых конфигураций в сочетании с одним типом объектов и инвариантность их в сочетании с другими типами объектов автор объясняет возможностью для объектов первого типа двойкой концептуализации и единственностью концептуализацией для двух других типов. В случае с подбородком, который может интерпретироваться и как плоский, и как объемный, с горой, которая всегда объемна, и косой, которая всегда плоская, это выглядит правдоподобно. Однако, трудно представить, почему острая стрела может быть и одномерной и объемной, острый клык – только одномерным, а острый рог – только объемным. Есть подозрение, что двойкая концептуализация возможна всегда, а то, что в собранных данных некоторым сочетаниям стабильно соответствует одна конфигурация — это, возможно, просто некая флуктуация, которая будет нивелирована при привлечении большего количества информантов. Пока каждая анкета заполнена только тремя-пятью носителями, а в Новосибирском корпусе РЖЯ зафиксировано только 2 вхождения слова «острый».

Поскольку лексико-типологические анкеты являются основным инструментом сбора данных для анализа, то предъявляемые информантам примеры должны быть однозначными. В анкете признака ‘старый’ мы видим два однотипных неоднозначных предложения: *Старые холодильники очень шумели* и *Старые компьютеры работали очень медленно*. При одном понимании они относятся к фрейму ‘долго бывший в употреблении’, при другом — к фрейму ‘относящийся к прошлому’. Исследователь может иметь в виду один фрейм, а испытуемый – другой, что может привести к неверному выводу о способах лексикализации фреймов.

Исповедуя фреймовый подход к анализу семантики слова, автор небрежно обращается с таким традиционным понятием лексической семантики, как *семантическое поле*, называя семантическим полем такую семантическую группу, в которую входит неоднозначное слово X из некоторого исходного (обычно родного) языка, все его переводные эквиваленты в исследуемой выборке языков и все переводные эквиваленты

таких эквивалентов в исходном языке. Также семантическим полем называется в работе и семантический объект, образуемый совокупностью фреймов всех связанных таким образом лексических единиц. Но семантическое поле, как известно, это группа слов, покрывающих некоторую единую понятийную, или тематическую, область и членящих ее нечеткими границами своих лексических значений, а также это соответствующий семантический объект, например, поле колющих орудий, поле режущих орудий, поле формы. При этом неоднозначное слово в разных своих значениях и употреблениях может относиться к разным семантическим полям, как слово *острый*, входящее во все три указанных поля: в первые два как имя свойства соответствующих типов орудий, а в третье, как имя формы. Исследуемые методами Московской лексико-типологической школы группы лексики могут как подходить под определение семантического поля (напр., группа глаголов движения в воде или вращения, прилагательных, обозначающих свойства поверхностей и др.), так и не соответствовать ему. Поэтому для того семантического объекта, который исследуется в данной диссертации, в работах основателей Московской лексико-семантической школы используется термин *семантическая зона*, и автору диссертации следовало бы придерживаться данного термина. Иначе, *потный* оказывается вне «семантического поля» 'влажный', но при этом в одном «семантическом поле» оказываются такие разные свойства объектов как их вес (*тяжелый*) и легкость изменения их формы или расположения частей (*тугой*). Последние, если и могут быть объединены, то в рамках гораздо более широкого семантического поля свойств объектов, требующих от субъекта-манипулятора повышенных усилий, в которое должны тогда попасть и *скользящий*, и *горячий* и, возможно, др., которые явно не входят в интересующую автора семантическую зону.

Вызывает некоторое недоумение и то, как в работе трактуется в разделе 2.1.2 метод компонентного анализа. Говоря о неактуальности этого метода в целом, М.В. Кюсева имеет в виду всего лишь один из вариантов этого метода — анализ лексических значений через выявление бинарных семантических признаков, по которым противопоставлены значения слов. Но суть компонентного анализа состоит в семантической декомпозиции — разложении значения слова на более элементарные семантические единицы. И при таком понимании к компонентному анализу относится и метод толкования слова с использованием Естественного семантического языка, упомянутый в том же разделе, и почему-то не упомянутые методы толкования лексических значений в Московской семантической школе (см. работы группы Ю.Д. Апресяна и работы Е.В. Падучевой и ее сотрудников в рамках проекта «Лексикограф»). Кстати, уже в классическом учебнике по компонентному анализу Ю. Найды для выявления семантических различий между

близкими по значению прилагательными использовался анализ их сочетаемости¹, на котором зиждется и фреймовый подход. Да и сама М.В. Кюсева не может обойтись без анализа значений жестов в терминах значений бинарных и тернарных параметров формы, размера и размерности, когда ей надо определить стимулы для коммуникативных игр (с. 77), что говорит о важной роли семантических оппозиций в способах лексикализации семантических зон формы и размера объектов. Кстати, не понятно, на каком основании в таблице 10, содержащей комбинаций таких оппозиций, те или иные объекты относились к двумерным или трехмерным объектам. Так, нож рассматривается как 2-мерный объект, хотя слово *нож* свободно сочетается с прилагательными, характеризующими его по трем измерениям, ср. *Пальма*. — *Так называются в Сибири длинные, широкие и толстые ножи* (НКРЯ), а вот тропы, зачисленная в 3-мерные объекты, напротив, может быть охарактеризована только по двум измерениям — длине и ширине.

В заключение – еще одно терминологическое замечание. Используемый в работе перевод английского термина *mouth gestures* — *губные жесты* — неудачен, поскольку к обозначаемому данным термином классу в диссертации относятся не только жесты, производимые губами, но и такие, как надувание щек, высовывание языка и многие другие, основную роль в которых играют не губы, а иные органы речи (см. таблицу аннотирования «губных жестов» на с. 89). Таким образом, термин *губные жесты* оказывается непрозрачным. Почему автор отказался от более точного перевода *ротовые жесты*, остается не ясным. Атрибут *ротовой* входит в состав целого ряда научных терминов (*ротовая полость*, *ротовой аппарат* и т.п.), так что избегать его нет никаких оснований.

Удивляет также использование редкого терминологического варианта *фоноэстема* вместо общепринятого *фонестема*.

Прочие, мелкие, замечания по диссертации носят преимущественно технический характер и потому не будут перечисляться в отзыве.

Следует в заключение сказать, что неоспоримые достоинства работы М.В. Кюсевой Сидельцева намного превосходят отмеченные выше немногочисленные недостатки в ней. Автор полностью справился с поставленными им целями и задачами, и его диссертация является глубоким, написанным на высоком научном уровне исследованием РЖЯ, свойства которого мало знакомы большинству лингвистов. Выполненное автором описание структуры признаков слов из разных семантических зон осуществлено на

¹ См. раздел «Процедура анализа пересекающихся значений» Nida E.A. Componential analysis of meaning. The Hague – Paris, Mouton, 1975. Chapter 5.

обширном типологическом фоне. Диссертация М.В. Кюсовой может послужить основой при подготовке для высшей школы специальных курсов как по жестовой лингвистике вообще, так и по признаковой лексике русского жестового языка, а также общих курсов по лексической семантике.

Автореферат и опубликованные автором работы полностью отражают основные положения диссертации.

Диссертация М.В. Кюсовой «Физические свойства в русском жестовом языке в типологическом освещении», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, является научно-квалификационной работой, содержащей решение задачи, которая имеет существенное значение для типологии, для жестовой лингвистики, и для исследования семантики признаков слов. Она полностью соответствует требованиям пп. 9 - 14 действующего «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, а автор диссертации, Кюсова Мария Викторовна, несомненно заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Официальный оппонент:

Кобозева Ирина Михайловна

Подпись заверяю

Место работы – Кафедра теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Домашний адрес – Москва 121059, Большая Дорогомиловская ул., дом 8, кв. 124; домашний телефон – 8 – 499 – 243-3635;

Рабочий адрес – Москва 119991, ГСП, Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет МГУ, к. 953;

Рабочий телефон – 8 – 495 – 939 26 01

Электронная почта - kobozeva@philol.msu.ru

профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

доктор филологических наук,

доцент по кафедре теоретической и прикладной лингвистики